

Генерал Беляев. Белая линия.

*В копыте лошади есть белая линия,
от которой начинает расти рог.
Можете расчищать и срезать копыто,
загонять в него гвозди, но если
коснетесь белой линии, оно пропало.*

Иван Беляев. "Записки русского изгнанника."

В Сланцевском районе Ленинградской области до наших дней сохранился парк старинной усадьбы Леонтьевское. В этой усадьбе провел свои детские годы один из лучших представителей русского дворянства, убежденный монархист, участник Белой борьбы на юге России Иван Тимофеевич Беляев.

В 20-х гг. XIX века имение было приобретено его прадедом по материнской линии Леонтием Федоровичем Трефуртом. Дипломат екатерининской эпохи, адъютант Суворова он принимал участие в знаменитом Итальянском походе. Позже он работал при Российском МИДе, где для обеспечения наиболее полной секретности дипломатической корреспонденции был учрежден специальный комитет. Леонтий Фёдорович заведовал цифирным отделением, где разрабатывались шифры.

Впоследствии Леонтьевское унаследовала дочь Леонтия Федоровича – Елизавета. Она вышла замуж за Ивана Андреевича Эллиота, сына Хенри (Андрея Ивановича) Эллиота, русского контр-адмирала, поступившего на российскую службу из британского флота.

Одна из дочерей Елизаветы Леонтьевны и Ивана Андреевича - Эллиот Мария Ивановна вышла замуж за Беляева Тимофея Михайловича. У них было пятеро детей. Младший сын, Иван Тимофеевич, написал в своих воспоминаниях "...через пять дней после моего рождения скончалась моя мать". Он родился 19 апреля 1875 года в Санкт-Петербурге "в скромной обер-офицерской квартире дома Гарновского, служившего для совместного жительства офицеров лейб-гвардии Измайловского полка и лейб-гвардии Второй артиллерийской бригады...". Его отец, Тимофей Михайлович, служил во 2-й Лейб-гвардейской артиллерийской бригаде.

Детство мальчик провёл в усадьбе Леонтьевское. Долгими часами в родовой библиотеке он зачитывался романами Майн-Рида и Фенимора Купера, подолгу рассматривал географические карты и атласы. В эти годы произошло первое знакомство с Парагваем, с которым будет в дальнейшем связана большая часть его жизни. Оно состоялось на чердаке усадьбы, где в архивах прадеда, суворовского адъютанта, он нашел старинную, XVII века карту столицы Парагвая - Асунсьона. "Тетя умело использовала мои порывы. Она поощряла мою страсть, с ее помощью я бросился изучать языки, глотая одну за другой серьезные работы. С ее помощью я пробрался в кабинет талантливого молодого ученого С.Ф. Ольденбурга, нашего родственника по дедушке Михаилу Алексеевичу ...".

В одиннадцатилетнем возрасте Иван Беляев был отдан в 1-й кадетский корпус. Первым в своем выпуске он закончил корпус, и его имя было занесено на мраморную доску.

Затем последовали годы учебы в Михайловском артиллерийском училище. Если в корпусе тяготевший к гуманитарным наукам юноша легко справлялся с уроками, то в училище он почувствовал себя иначе. Курс был перегружен математическими предметами и точными науками. Верховая езда для юнкера Беляева была также большим испытанием. Однако, прошло время и... "Моя тонкая кость и деликатное телосложение,

унаследованное от гурайских предков матери моего отца, сделали из меня джигита. "Скачет наш Шамиль" говорили офицеры моего конногорного дивизиона, когда я обгонял батареи под Екатеринодаром. Врангель не без зависти поглядывал на мою кавказскую посадку...".

В 1893 году, окончив училище по первому разряду, он направлен в лейб-гвардию в стрелковый артиллерийский дивизион. Затем переведен во 2-ю артиллерийскую бригаду, где уже находились три его брата, и куда тем же приказом от 12 августа 1895 года в качестве командира бригады был назначен его отец.

"Служба в бригаде казалась мне легкой и приятной." Возвращаясь домой, он тотчас же брался за книги. Изучал мировую историю по программам историко-филологического факультета. Ботанику, зоологию и геологию – по курсам высших учебных заведений. Географию – по всем источникам, какие только мог найти. В занятиях по этнографии и антропологии пользовался рекомендациями С.Ф. Ольденбурга. "Иногда, по воскресеньям, он уделял мне полчаса времени и направлял мои мысли и занятия, доставая мне все, что мог, из университетской и академической библиотек."

Вскоре последовал отпуск, который Иван Тимофеевич провел на Кавказе. Здесь он не только отдыхает, но и совершает несколько походов, посещая горные аулы. Результатом этих походов явилась брошюра «На земле хевсуров». Она стала его первым научным трудом. Временами удавалось посещать Императорское Географическое общество, куда он был принят по рекомендации профессоров Н.А. Богуславского и А.И. Мушкетова.

По возвращении из отпуска его назначают командиром 1-й батареи во вновь формируемый Гвардии стрелковый дивизион. Этот дивизион закончил свое формирование в конце 1897 года и в мирное время вошел в состав лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады в качестве 3-го дивизиона, но с мобилизацией становился уже самостоятельной единицей. О том, как Беляев умел работать с вверенными ему новобранцами, видно из приведенных ниже отрывков его воспоминаний: "От брата Володи я перенял его умение ладить с солдатами, и они сразу увидели во мне своего родного человека, отстаивавшего их от жестокого обращения старшего и безжалостного командира; я заслужил их обожание, и они своей безукоризненной подготовкой побили все рекорды." "Мы не помним себя от радости,- говорили запасные, уходя на родину, – нелегко далось нам военное обучение. Но вас мы никогда не забудем!"

В 1903 году он награжден орденом Св. Станислава 3-й степени.

В октябре 1905 года на другой день после опубликования царского Манифеста в Кронштадте прошла политическая демонстрация. 26 октября город фактически оказался в руках восставших. В различных концах города горели винные склады, казино, офицерские квартиры. 27 окт. прибывшие из СПб. и Ораниенбаума войска подавили восстание. В составе этих войск была батарея под командованием Ивана Беляева. Примечательно, что в это время комендантом Кронштадта был его отец - Тимофей Михайлович Беляев. За верность престолу и исполнение своего воинского долга Иван Тимофеевич награжден орденом Св. Анны 3-й степени.

В этом же году он женился, однако, обвенчавшиеся в родовом имении Леонтьевское молодожены не прожили и года. Неожиданная смерть Маруси повергла его в такое отчаянье, что появилась мысль об эмиграции в Парагвай.

Иван Тимофеевич был монархистом, уверенным в особой исторической миссии России. События русско-японской войны лишь утвердили Беляева в этом мнении. Беляев возмущался недалекновидной политикой Европы, вооружавшей Японию, и коварным поведением США в ходе войны. Он писал: " Но Европа поплатилась еще тяжелее за свою слепую ненависть к возрождающейся России. Подрубая самые корни существования державы, всегда стоявшей на страже мира и справедливости, она навсегда нарушила европейское равновесие, исключая возможность взаимного доверия, и положила начало всем бедствиям явившимся на смену "Золотому веку" мирового прогресса."

Являясь убежденным монархистом, Беляев, однако весьма трезво оценивает ситуацию, сложившуюся в стране, находившейся под влиянием могущественной придворной немецкой партии. "Чтоб сделать карьеру, надо было жениться на немке или закончить образование в Германии. ... Можно было быть сыном простого мужика, но германофилом – и доверие высших сфер открывало карьеру".

Вторая женитьба на Александре Александровне Захаровой в 1909 году вернула ему интерес к жизни, но поставила крест на военной карьере в полку. То, что отец жены некоторое время занимался торговлей, вынудило Беляева покинуть гвардию. Он ненадолго переходит в канцелярию управления Генерал-инспектора артиллерии делопроизводителем. Но вскоре, как талантливому офицеру, ему предлагают "любую батарею любого дивизиона". В 1911 году он с женой едет на Кавказ, где командует 2-й батареей 1-го Кавказского стрелково-артиллерийского дивизиона. Иван Тимофеевич – отличный организатор. В короткое время он налаживает в "самой паршивой батарее" военное обучение и быт своих подчиненных. Она становится лучшей. "Новый командир, - писал один из солдат, - думали, гвардейский трынчик, а он, как взялся за дело, так все разом перевернул – ну что твой орел!"

В 1913 году появляется составленный им Устав горной артиллерии, горных батарей и горно-артиллерийских групп, ставший серьезным вкладом в развитие военного дела в России.

С началом Великой войны его дивизион воюет на Варшавском направлении. Дивизион почти полностью состоял из кавказцев. В нем соблюдались национальные традиции, и даже русские фамилии в шутку переделывались на грузинский манер. Здесь действия его батареи были оценены не только командованием Русской армии, но и противником: "Много лет спустя, уже в Парагвае, на банкете у американского посла ко мне подошел граф Ведель, германский уполномоченный в Асунсьоне.

- Не знаю почему, генерал, но я уверен, что мы с вами встречались на войне. Вы были под Полоцком, под Барковым. В то время я был воздушным наблюдателем и видел блестящие действия вашей горной артиллерии.

- Это была моя батарея, граф..."

За бои на Карпатах в 1915 году Беляев был представлен к ордену Св. Георгия IV степени «за спасение батареи и личное руководство атакой». Вскоре он был ранен и отправлен на излечение в лазарет ее величества в Царском селе.

Находясь на излечении, Беляев разрабатывает и безуспешно подает «наверх» идею создания в тылу особых запасных батальонов. "Организуя в глубоком тылу ряд запасных батальонов от каждого полка, где тяжело раненные и даже искалеченные офицеры и солдаты могли бы воскресить среди зеленой молодежи те традиции, которыми жила армия, которая уже вся полегла под ударами немецкой техники ради спасения западных союзников. Эта свежая армия, явившись в последний момент, решила бы судьбу России и, в случае преждевременного заключения мира, осталась бы залогом будущего спокойствия страны." В ходе войны были уничтожены бесценные кадры солдат и офицеров "и лучшие полки обратились в аморфную массу, для которой уже не существовало ни долга, ни чести, ни знамени, ни веры..." Впервые в военные действия были втянуты миллионы людей. Гибель сотен тысяч лучших из них в каждом государстве вызвала необратимые процессы, повлиявшие на ход истории всего мира.

Беляевы состоят в родстве с соседом по имени А.Л. Блоком. Первым браком Александр Львович был женат на Александре Андреевне Бекетовой, которая ушла от него сразу после замужества. Вернувшись к родным, она родила ребенка Александра – будущего поэта. Второй раз Александр Львович женился на Марии Тимофеевне Беляевой, сестре Ивана Тимофеевича. Брак также оказался неудачным вследствие тяжелого характера Блока. Семья распалась, и молодая мать с дочкой Анжелиной переехала жить к своему младшему брату Михаилу. После смерти Александра Львовича в 1909 году все наследство перешло к его сыну от Бекетовой — Александру Блоку.

Поэт уже после смерти отца познакомился с его второй женой. С «редким великодушием», по словам Ивана Беляева, он передал ей половину своего наследства и затем стал часто появляться в доме Беляевых. В ноябре 1915 года возникли слухи о призыве ратников 2-го разряда, этому призыву подлежал и поэт. Ангелина попросила своего дядю о протекции для Александра. Иван Тимофеевич обещал пристроить его при своем штабе, чтобы "помаленьку втянулся в военную жизнь". 10 мая 1916 года Блока призывают в действующую армию, но он отказывается от протекции Ивана Тимофеевича. Уже по другой протекции его зачисляют в инженерно-строительную дружину Союза земств и городов. "Устроился в земгусары" – отметил в своих воспоминаниях Беляев.

Ангелина Александровна умерла 20 февраля 1918 года в Новгороде, заразившись тифом от раненых, за которыми героически ухаживала. «Ее хоронили, как святую, с крестным ходом», - написал А.А. Блок. В августе 1919 года вышел сборник стихов "Ямбы". Книга открывалась посвящением памяти сестры.

После лечения, в конце 1915 года, последовало новое назначение. Теперь Иван Тимофеевич ехал в Могилев - Подольский командовать 4-м отдельным полевым тяжелым дивизионом. На вооружении этого дивизиона состояли морские орудия Виккерса калибра 105 мм на "импровизированных лафетах с огромными колесами, напоминавшими колесницы фараонов".

Весной 1916 года последовало назначение командиром 13-го отдельного полевого тяжелого артиллерийского дивизиона. И Беляев выехал на боевую позицию в район Луцка, где во время Брусиловского прорыва он в звании полковника успешно руководит всеми 19-ю батареями корпуса. Здесь он встретил февральские дни 1917 года. В армии, стоявшей, по его мнению, уже на пороге победы, но «погубившей ее митингами и анархией», он остается до конца, до самого ее развала.

В июле 1917 года исполнение приказа Корнилова за № 3718 "об аресте и придании суду всех агитаторов" привело Ивана Тимофеевича к конфликту с комитетами частей, находившимися под его командованием. В октябре 1917 года он приезжает в Петроград, где одним из последних был произведен в генерал-майорский чин.

Спустя несколько дней, отправляясь обратно в часть, на вокзале станции Верро (г. Выру. Эстония) он чуть не поплатился жизнью за генеральские погоны. В ответ на требование распясавшейся солдатни снять погоны, Беляев ответил: «Дорогой мой, я не только погоны и лампасы, да и штаны снимаю, если вы повернете со мною на врага. А на внутренний фронт, против своих, не ходил и не пойду, так вы меня уж увольте!».

С трудом прибыв к месту службы, он получает новое назначение командиром 83-й артиллерийской бригады. Понимая, что ехать в незнакомую уже разложившуюся часть нельзя, он пробирается на Кавказ: "Может быть, там еще дерутся с турками".

Когда, спустя несколько месяцев, в мае 1918 года поезд прибыл в Ростов, турецкого фронта уже не было. Все пути из Грузии на север - в руках у красных, которые пытаются пробиться в Россию. Оставив жену у родных, он поступает в отряд Деникина. Эта крошечная армия насчитывала всего три тысячи штыков при семи орудиях. Здесь, как и в старой армии, царили бесстрашие, исполнительность и дисциплина. Беляев увлечен идеей белого движения.

Зная об организаторском таланте Ивана Тимофеевича, ему поручили снабжение армии. В вечном противостоянии тыла и действующей армии Беляев - на стороне фронтовиков. Организовав справедливое распределение имущества среди личного состава, не делая никому предпочтения, он тут же нажил себе недоброжелателей. Доложив Деникину о своих распоряжениях, Беляев предложил не реквизировать провиант у крестьян, наладить выпуск денег, отменить контрибуции, обеспечить охрану и справедливое распределение трофейного и иного имущества. "Иначе Марковцы получают только красный товар, корниловцы только сахар, дроздовцы только одни подметки".

Спустя несколько дней, ему предложили из конной батареи Дроздовского и захваченных пушек сформировать конногорный дивизион при 1-й конной дивизии и отправиться на фронт.

При освобождении Екатеринодара он командует артиллерией в дивизии генерала Эрдели.

Осенью 1918 года поступает в первый конный корпус под командование генерала Врангеля. Успехи следуют за успехами, в непрерывных боях корпус приближается к Минеральным Водам. И вскоре все войска, действовавшие на Кавказском фронте, объединяются под командованием Врангеля. Об этом времени Беляев пишет в своих воспоминаниях: "...мне кажется, что Врангель с налета имел бы шанс добраться до Москвы. Вся наша война была возможна только с налету, глубокой государственной основы она не имела и при затяжке была осуждена на крах". Обладая качествами выдающегося стратега маневренной войны, Врангель имел сложный резкий характер и был человеком, не терпящим возражений. Он отмечал, что Беляев не всегда разделял и поддерживал взгляды своего начальства. Вследствие этого генерал Беляев, как человек, имеющий и высказывающий свое мнение, перемещается им с должности командующего артиллерией на должность начальника снабжения. Но в этой должности Иван Тимофеевич пребывает недолго. Возвращаясь из первой же командировки, он заболевает тифом и остается в живых только благодаря самоотверженной заботе своей жены.

По выздоровлении он направлен инспектором артиллерии в 1-й армейский корпус под командованием генерала Кутепова. Он пишет: "О своем новом назначении мне не пришлось жалеть. Кутепов относился ко мне с полным доверием, которое возрастало с каждым днем. Подобно Врангелю, он совершенно не мешал моей инициативе, но в то время как с Врангелем я не знал покоя ни днем, ни ночью, здесь я был окружен полным комфортом, в котором нуждался после болезни".

В июне 1919 года Добровольческая армия овладела Харьковом. "В батареях оставалось по одному, по два орудия, прочие пришли в негодность, пулеметов почти не было". Командующий приказывает Беляеву наладить работу по выпуску оружия для фронта на харьковском паровозостроительном заводе. Вскоре обыватели заговорили: "С понедельника все становятся на работу! Конец безработицы... Нашелся какой-то генерал Беляев и повернул все вверх дном". На паровозостроительном заводе были построены бронепоезда, которые не раз спасали положение на Южном фронте.

Беляев прекрасно понимал вред репрессивной политики в отношении собственного народа и добился от Кутепова принятия срочных мер по укреплению дисциплины в армии, предусматривающих введение смертной казни без различия чинов за убийства и грабежи мирного населения. Однако, принятие этих мер носило запоздалый характер, и уже в ноябре девятнадцатого года артиллерия Беляева прикрывала отход из Харькова корпусов Май-Маевского...

В январе 1920 года, отправив жену и родственников на пароходе "Саратов" в Александрию, Беляев до последних дней оставался в Крыму. Затем через Константинополь он прибыл в Галлиполи, а оттуда в Болгарию.

В Буэнос-Айрес он попал в начале 1923 года. Здесь его жизнь сложилась бы очень тяжело, если бы не неожиданный визит и покровительство баронессы Жессе де Лева. Беляеву удалось с ее помощью найти работу. Он стал преподавателем немецкого и французского языков в одном из колледжей. Не теряя времени, он совершенствовался в испанском языке, изучение которого начал в юности. Через некоторое время на страницах газеты «Эль Либераль» появилось несколько рассказов о русской революции, впервые подписанных «Хуан Белайефф».

Иван Тимофеевич не оставлял идею создания новой русской колонии на южноамериканской земле. Однако, все контакты и разговоры здесь, в Буэнос-Айресе, заканчивались желанием отделаться от надоедливой генерала и его идей, грозивших пошатнуть материальное положение старожилов.

Не видя никаких перспектив для русских в Аргентине, Иван Тимофеевич обратил свой взор к желанной стране детства - Парагваю.

1924 год - год признания Западом Советской России, стал "черным годом" для десятков тысяч русских эмигрантов в Европе. Начались гонения эмигрантов в Болгарии и Югославии. Тысячи русских семей лишились работы в Турции, так как правительство проводило политику сближения с Советской Россией. Ухудшилось положение русских эмигрантов во Франции и Германии.

Беляев посетил парагвайское представительство в Буэнос-Айресе. Парагвайцы приняли генерала и приветствовали его желание дать русским возможность обустроиться в Парагвае. И вот в марте 1924 года Иван Тимофеевич уже в столице Парагвая - городе Асунсьон. Там он начинает хлопоты по организации русских колоний. Он предлагал использовать пустынные земли в Чако, способные прокормить тысячи новых поселенцев и воплотить в жизнь идею "патриотической эмиграции".

С самых первых шагов в Парагвае Беляева не покидало ощущение, что он ходит по родной земле. "Эмкарнасион и Консепсион напоминали захудалые уездные городишки вроде Луги и Гдова." Сам Асунсьон напоминает ему Владикавказ. "На вымощенных камнем улицах стояло всего три такси, прочие обслуживали президента и военного министра..." Цены на продукты были не высоки. "Общий уклад жизни напоминал Россию до 1900 года".

Через белградскую газету "Новое время" Иван Тимофеевич направил призыв ко всем, кто мечтает жить в стране, где он сможет считаться русским, приехать в Парагвай и создать там национальный очаг, чтобы "сохранить детей от гибели и растрепания". В июне 1924 года Беляев получил согласие правительства страны на создание в Парагвае русского "культурного ядра". Ему было поручено организовать приезд в страну 12 специалистов - инженеров, путейцев, конструкторов, геодезистов и т.д., официально - для содействия восстановлению экономики Парагвая. Беляев взял на себя ответственность за то, чтобы приглашенные специалисты имели соответствующую квалификацию и диплом, и гарантировал, что ни один из них не состоял в Красной Армии.

Однако из разговоров с министром Беляеву стало ясно, что прежде, чем приступить к созданию "Русского Очага" в Парагвае, русским придется защищать страну от агрессии...

Территориальный спор между Боливией и Парагваем из-за обширной неисследованной области Чако Бореаль длился более ста лет. В основе этого спора лежало почти полное отсутствие знаний о местности в 300 тысяч кв. км между реками Парагвай и Пилькомайо.

В 1879 году Парагвай предпринял попытку разграничения территории в Чако Бореаль с Боливией, которая была ослаблена войнами. Но, поскольку отсутствовали картографические данные о местности, переговоры между двумя странами, длившиеся с перерывами 34 года, окончились в 1913 году ничем. Разграничить спорную территорию так и не удалось. Ситуация усугубилась тем, что на территории, прилегающей вплотную к Чако Бореаль была найдена нефть. Американские нефтяные компании проявили интерес к этой территории, с этого момента отношения между двумя странами начинают накаляться.

Осенью 1924 года Беляеву поручена организация экспедиции в Чако. Он должен был разведать и найти наиболее удобные места для расположения гарнизонов, коммуникаций и военных объектов. Необходимо было подготовить генеральную карту района с отмеченными местами для расположения оборонительных сооружений.

Охваченный с ранней юности страстью к изучению индейских культур, Беляев хотел найти оптимальное решение проблемы, не причиняя значительного вреда проживающим в Чако племенам. Генерал хотел сочетать военные аспекты экспедиции с научно-гуманитарными — изучать и оказывать посильную помощь индейцам Чако.

Беляев предполагал, что выполнить задание военного министра можно только вступив в непосредственный контакт с индейцами.

Всего под его руководством в область Чако было совершено 13 экспедиций. Длелись они от двух недель до полугода.

На первом Конгрессе Панамериканского института географии и истории, состоявшемся в декабре 1932 года, делегат Парагвая Рамос Хименес обосновал его права на часть Чако Бореаль, целиком основываясь на географических открытиях парагвайцев в Чако, совершенных под руководством "отважного ученого, которому Парагвай обязан многим". Делегатами были отмечены заслуги Беляева, как картографа, биолога и климатолога, впервые составившего целостное описание этого географического района. Особо были отмечены этнографические заслуги Беляева...

За время странствий Беляев изучил язык индейцев макка и чамакоко, перевел на русский язык большую поэму "Амормелата" ("Великий потоп"), записывал многие устные сказания - поэмы и легенды. Беляев покорила индейцев прежде всего лаской, как больших детей, и они считали его своим другом.

В сентябре 1932 года Беляев отправился под Бокерон - место будущих боев с Боливийской армией, где был назначен инспектором артиллерии при штабе командующего парагвайскими войсками в Чако. В следующем месяце Беляеву присваивается воинское звание дивизионного генерала парагвайской армии.

Вместе с ним в боях за свободу Парагвая участвовали другие русские. В отличие от немецких и чилийских наемников, в боливийской армии русские сражались не за деньги, а за независимость страны, которую хотели видеть своей второй родиной.

Рядом с Беляевым сражались генерал Эрн, кавалеристы майор Корсаков и капитан Касьянов, капитаны Салазкин, Бутлеров, Дедов, Чирков, Ширкин, Высоколан, Владимир Орефьев-Серебряков, Александр Экштейн, лейтенанты Малютин, Канонников, Ходолей, братья Оранжеревы. Отдел картографии Генерального штаба возглавлял Николай Голдшмидт.

Боливийской армией командовал участник первой мировой войны немецкий генерал Ханс фон Кундт. На направлении главного удара находился парагвайский форд Нанава, в районе которого Кундтом было создано почти двукратное превосходство в силах (6000 боливийцев против 3600 парагвайцев). Возможность удара на Нанаву рассматривалась Беляевым еще во время второго путешествия в Чако (январь-февраль 1925г.). Незадолго до начала боливийского наступления парагвайцы основательно подготовили форт к обороне. Удар на Нанаву не был неожиданным, он заранее предвиделся Беляевым.

10 января 1933 года началось боливийское наступление. Кундт не сомневался в победе. Однако, за десять дней боев парагвайцы потеряли убитыми 248 человек, а боливийцы, так и не сумевшие овладеть укрепленным районом, - свыше 2 тыс. Не смогли добиться успеха и три эскадрильи боливийских бомбардировщиков, сбрасывавших бомбы на позиции парагвайской артиллерии. Боливийские самолеты сбрасывали бомбы на замаскированные под артиллерийские орудия стволы пальм, каждый раз предусмотрительно передвигавшихся на все новые огневые позиции.

В конце апреля 1933 года Беляева назначили начальником генерального штаба парагвайской армии. Заслугой Беляева, неплохо знавшего прямолинейность тактики немецкого генерала и хорошо изучившего приемы германской армии на полях первой мировой войны, следует признать определение направления и срока нового наступления боливийских войск.

Кундт позднее заявил, что в Боливии он хотел опробовать новый метод атаки, использованный им на Восточном фронте. Однако, эта тактика разбилась об оборону, построенную русскими для парагвайцев.

Беляев широко применял тактику укрепленных пунктов и диверсионных отрядов. Были созданы укрепрайоны, оснащенные минометами, пулеметами и окруженные минными полями и колючей проволокой. С этих баз парагвайцы совершали рейды против боливийцев, которых генерал Кундт упорно бросал в лобовые атаки на укрепленные пункты. Однако боливийской армии не помогли даже танки - они успешно уничтожались гранатами из засад.

Парагвайские войска неудержимо наступали. Боливийцы были вынуждены оставить уже большую часть Чако Бореаль. Босоногие парагвайские солдаты маршировали на запад, распевая русские солдатские песни, переведенные Беляевым на испанский и гуарани. Их полки носили экзотические названия: "Кораллы", "Черная обезьяна", "Мертвый муравей". Подойдя вплотную к боливийскому нагорью, армия из-за растянутости коммуникаций должна была остановиться. Истощенная же до предела Боливия уже не могла организовать эффективного контрудара. В этих условиях в июне 1935 года между двумя странами было подписано перемирие.

Чакская война дорого обошлась народам обоих государств. В ней погибло 60 тысяч боливийцев и 40 тысяч парагвайцев, более 150 тысяч человек были ранены.

Экономика Парагвая была нарушена войной, требовались силы на ее восстановление. Наступило, наконец, время, когда русский генерал мог рассчитывать на исполнение своей мечты о "Русском очаге" - ядре культурно-патриотической эмиграции русских людей в Парагвае.

Страна постепенно оживала благодаря активной помощи русских специалистов. Учеными, выходцами из России, был организован первый инженерный факультет в Университете города Асунсьон, русские внесли большой вклад в развитие теоретической и прикладной науки в Парагвае. Велик вклад русских и в культурную жизнь страны. При участии российских архитекторов был отстроен Асунсьон - столица Парагвая. Дочь генерала Эрна, Тала, стала основательницей первой в стране балетной школы.

Дальнейшая эмиграция русских была желательной для правительства Парагвая. Оно наделило Беляева полномочиями для организации массовой эмиграции в страну. Единственная цель, которую преследовал Беляев, создавая русскую колонию, было сохранение "русского духа". Основными составными частями этого понятия были: монархическое чувство, православие, готовность к самопожертвованию во имя Родины, высокие моральные качества. Идеальный настрой первых колонистов соответствовал убеждениям Беляева.

В конце 1933 года в Париже по инициативе Ивана Тимофеевича Беляева, его брата Николая и парагвайского консула Хуана Лапьера был создан "Колонизационный центр по организации иммиграции в Парагвай". Почетным председателем центра был избран известный деятель Белого движения атаман Африкан Петрович Богаевский. Два раза в месяц начала выходить газета "Парагуай", девизом которой стали слова: "Европа не оправдала наших надежд. Парагвай - страна будущего". Парагвайским правительством для русских колоний были выделены крупные площади земли в междуречье рек Парагвая и Параны

В апреле 1934 года из Марселя в Южную Америку отправился первый пароход с эмигрантами (около 100 человек). В начале июля 1934 года брат Беляева - Николай проводил из Марселя вторую группу из 90 человек. А в августе была подготовлена к отправке третья группа переселенцев.

Беляев разработал и подал для рассмотрения в палату депутатов парагвайского парламента проект закона о правах и привилегиях русских иммигрантов. Проект предусматривал свободу вероисповедания, создание национальных школ, сохранение казачьих обычаев и традиций, общинного владения землей. Проект вводил полный запрет на продажу спиртных напитков ближе, чем за пять километров от создаваемых станиц. К концу 1934 года в Парагвай было отправлено шесть групп эмигрантов. Движение

приобретало массовый характер. Но к этому времени идея создания "Русского Очага" оказалась под угрозой. Экономика Парагвая восстанавливалась после Чакской войны. Помощь правительства русской иммиграции была минимальной. Эмигранты жаловались, что не получили обещанного. Бытовое неустройство приводило к постоянному оттоку иммигрантов в другие страны.

Идея "патриотической эмиграции" грозила пошатнуть позиции кругов, которые обеспечили себе авторитет в белой эмиграции. Советские спецслужбы всеми силами боролись с консолидацией белой эмиграции. Серьезным ударом по планам «Русского Очага» стал уход из жизни влиятельных фигур, так или иначе поддерживавших начинания Беляева - смерть барона Врангеля (1928г.), похищение агентами НКВД генерала Кутепова, с которым он был в прямых отношениях, (1930г.), смерть Богаевского (1934г.). Это, как считал Иван Беляев, помогло его недругам в Парагвае, недовольным тем влиянием, которое он оказывал на жизнь колонии. Генералы Эрн и Бобровский вступили в контакт с "новыми лицами" из эмигрантской верхушки в Париже с целью "разложить русскую колонию в Парагвае и лишить ее патриотического смысла", представляя дело Беляева как "подрыв тех мощных организаций, которым суждено с помощью Германии разгромить большевистскую Россию". Кстати сказать, Иван Тимофеевич придерживался той точки зрения, что даже для освобождения России от большевистского ига не следует сотрудничать с нацистской Германией.

Так нашла свой конец, не воплотившись в жизнь, идея "патриотической эмиграции". В записках Беляева есть строки: "Поля пшеницы, хлопчатника, мака, льна, изобилие домашней утвари и сотни русских домов и хуторов свидетельствуют, что их тяжелый труд не остался напрасным, и от этих людей я не слышал иного слова, кроме слов искреннего приветия и благодарности".

Крушение планов создания "Русского Очага" не повергло Беляева в отчаяние. Оставалось пристрастие, которое манило и звало к действию с юношеских пор - изучать и защищать, спасая от тотального истребления "бронзовокожих детей пустыни".

В ходе экспедиций Беляев фактически открыл для внешнего мира племена, обитавшие в Чако Борраль, изучил их языки, обычаи, религию, нравы. Научная работа, которая началась еще в 20-е годы, не прекращалась ни во время войны, ни во время забот, связанных с русской эмиграцией.

В ноябре 1936 года в министерстве сельского хозяйства встал вопрос о создании Национального патроната по делам индейцев, кандидатура на пост директора не вызывала сомнений. Беляев - ученый, автор многочисленных статей и памфлетов в защиту индейцев, получил возможность действовать от имени правительства.

Изучив жизнь коренных обитателей Чако, Беляев считал необходимым закрепить за ними в законодательном порядке землю их предков. Он предлагал предоставить индейцам полную автономию и, одновременно с ликвидацией неграмотности, постепенно внедрять в их сознание основы культурной жизни, демократических ценностей, права и т.д. При этом русский ученый предостерегал от искушения разрушать складывавшийся веками образ жизни индейцев - их культуру, быт, язык, религию.

Наконец-то было найдено практическое применение его поэтическому и драматическому дару. В апреле 1938 года в национальном парке Асунсьона с шумным успехом прошло театрализованное представление "Индийская фантазия". Автором либретто был Беляев. Артисты (70 индейцев племени макка) изображали один из героических эпизодов Чакской войны - гибель индейского вождя Чикинокока при защите парагвайского форта Карлос Антонио Лопес. Сорок индейцев и Беляев, как руководитель труппы, получили приглашение на гастроли в Буэнос-Айрес. Эти гастроли, длившиеся целых три месяца, принесли хорошие результаты: парагвайцы вернулись на родину с круглой суммой и желанием выкупить у правительства участок земли для организации индейской школы. Аргентинцы под впечатлением увиденного начали борьбу за равноправие индейцев в своей стране. Возможность открытия образцовой школы для

индейцев дали средства, вырученные за постановку феерического спектакля "Прибытие Колумба". В постановке принимали участие солдаты и матросы парагвайской армии и флота.

В 1940 году было принято решение о создании научно-общественной Ассоциации индеанистских исследований Парагвая.

В 1941 года декретом президента Республики в распоряжение Ассоциации были переданы земли на берегу реки Парагвай для обустройства первой индейской колонии-школы. Беляев был восстановлен в должности директора Национального патроната и ему был присвоен титул Генерального администратора индейских колоний в Парагвае.

Первые 239 индейцев племени макка поселились на острове, недалеко от Асунсьона. Вещи, необходимые для первоначального обустройства (топоры, пилы, лопаты, каноэ, лошади, скот и т.д.) были приобретены за деньги, полученные от выступлений индейского театра, за счет пожертвований членов Ассоциации и просто сочувствующих Беляеву. На эти деньги была построена школа - обычная хижина без окон, с крышей из тростника, куда приходили учиться грамоте у Беляева и его помощницы - доктора Брониславы Сушник дети индейцев-колонистов и те, кто впервые отважился увидеть мир за пределами сельвы.

Пожилые индейцы занимались сельским хозяйством. Мужчины, в основном, охотились. Огромной популярностью пользовались сувениры из кожи, пончо и ковры, украшенные традиционными индейскими орнаментами. Крепкие спиртные напитки были запрещены. За санитарным состоянием колонии и ее жителей регулярно наблюдали медики, члены Ассоциации.

Беляев преподавал своим "детям" основы общественной жизни, истории, географии и личной гигиены на различных индейских языках и диалектах, а знал он их более десяти, и одновременно обучал индейцев самым главным молитвам. "Белый вождь" вскоре стал достопримечательностью парагвайской столицы. Последние годы жизни парагвайского "Миклухо-Маклая" были целиком посвящены индейцам. В клане Тигров чимакоки провозгласили его одним из своих вождей. Беляев совершал постоянные поездки на остров в школу-хижину. Дом Беляева поражал крайней бедностью. Он жил в хижине, которая не имела даже потолка. Его дом был наполнен приходившими к нему индейцами и их детьми. Об этом написал М. Д. Каратаев: "Довольно многочисленные группы чимакоков 2-3 раза в год приходили в столицу и располагались в генеральском дворе. Являлись они из Чако в настолько "декольтированном" виде, что полиция их в город не впускала, и темной ночью они тайком пробирались к генералу в сад, который был окружен высоким забором. Трех или четверых он снабжал своими старыми штанами или пижамами, таким образом, они получали возможность выйти на улицу ...".

После смерти Беляева в 1957 году индейцы трогательно заботились о его верной спутнице жизни - Александре Александровне, уже безнадежно больной.

Хоронили Беляева с высокими почестями - как генерала, Почетного Гражданина Парагвая, Почетного Генерального администратора индейских колоний. Отпевание состоялось в русской православной церкви города Асунсьон в присутствии большинства членов русской колонии, представителей вооруженных сил, общества отставных ветеранов Чакской войны. Во время траурной церемонии индейцы и отставные ветераны сменяли друг друга у гроба, в то время, как собравшиеся во дворе и не присевшие ни на минуту краснокожие пели «Отче Наш» на своем языке, так, как научил их Беляев.

Смерть генерала Беляева означала для индейцев появление на небе их нового покровителя - Великого Белого Отца. Герой Чакской войны Николай Корсаков сказал тогда: "Нас, может быть, и забудут, но его - никогда!"

Павел Шебалин вспоминает: "В русскую церковь пришли индейцы, идет отпевание. Они, видя как подходят русские, тоже подходили к гробу, но не целовали, а прикладывались щекой. После отпевания индейцы побежали, остановили катафалк - он должен ехать в наш лагерь!" Вождь Чимакоков сел на козлах рядом с кучером, чтобы тело

не увезли на Русское кладбище. Сейчас его саркофаг - на острове посреди реки Парагвай там, где живут индейцы. Но это место часто заливают в половодье. Когда река поднимается, индейцы перебираются на другое место и уносят его с собой. Когда вода спадает, они возвращаются и приносят его обратно.

У Беляева не было детей, однако его фамилию в Парагвае носят несколько сотен людей. Раньше у индейцев не было фамилий и, когда им стали выдавали паспорта, они просили записать их ... Беляев.

Иван Беляев "Записки русского изгнанника" СПб. 2010.

И. Т. Беляев. "По Хевсурии. (Отрывок из путешествия)" Исторический вестник, № 12. 1900 г.

Мартынов Б.Ф. "Парагвайский Миклухо-Маклай" Москва 1993.

Мартынов Б. Ф. "Русский Парагвай" Воениздат 2006.

Беляев С.М. "От Новороссийска до Зайчар. Воспоминания русского беженца." Русская эмиграция в Европе в 1920-е – 1930-е годы." Выпуск 2 СПб. 2005 г.

Фетисенко О.Л., Цендровская Н.К. "...та девушка звалась – сестра." Лица. Биографический альманах. Феникс. Дмитрий Буланин. СПб. 2004.

Ленчевский "Парагвай земля обетованная" Иллюстрированная Россия (Париж) № 17 (467) 21 апреля 1934 год.

Прищепова В.А. "История открытия и изучения архива И.Т. Беляева"

Азаренков К.А. "Парагуай" Станица №1 (47) 2006 г.